

Б. Житков

Виктор Вавич

Книга Первая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б11

Б. Житков
Б11 Виктор Вавич: Книга Первая / Б. Житков – М.: Книга по Требованию, 2022. – 196 с.

ISBN 978-5-4241-2036-7

Роман "Виктор Вавич" Борис Степанович Житков (1882-1938) считал книгой своей жизни. Работа над ней продолжалась больше пяти лет. При жизни писателя публиковались лишь отдельные части его "энциклопедии русской жизни" времен первой русской революции. В этом сочинении легко узнаваем любимый нами с детства Житков - остроумный, точный и цепкий в деталях, свободный и лаконичный в языке; вместе с тем перед нами книга неизвестного мастера, следующего традициям европейского авантюрного и русского психологического романа. Тираж полного издания "Виктора Вавича" был пущен под нож осенью 1941 года, после разгромной внутренней рецензии А. Фадеева. Экземпляр, по которому - спустя 60 лет после смерти автора - наконец издается одна из лучших русских книг XX века, был сохранен другом Житкова, исследователем его творчества Лидией Корнеевной Чуковской

ISBN 978-5-4241-2036-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Б. Житков, 2022

Житков Борис Степанович
Виктор Вавич (Книга 1)

Житков Борис
Виктор Вавич
Роман
КНИГА ПЕРВАЯ

Роман "Виктор Вавич" Борис Степанович Житков (1882-1938) считал книгой своей жизни. Работа над ней продолжалась больше пяти лет. При жизни писателя публиковались лишь отдельные части его "энциклопедии русской жизни" времен первой русской революции. В этом сочинении легко узнаваем любимый нами с детства Житков - остроумный, точный и цепкий в деталях, свободный и лаконичный в языке; вместе с тем перед нами книга неизвестного мастера, следующего традициям европейского авантюрного и русского психологического романа. Тираж полного издания "Виктора Вавича" был пущен под нож осенью 1941 года, после разгромной внутренней рецензии А. Фадеева. Экземпляр, по которому - спустя 60 лет после смерти автора - наконец издается одна из лучших русских книг XX века, был сохранен другом Житкова, исследователем его творчества Лидией Корнеевной Чуковской.

Ее памяти посвящается это издание.

Уже написан "Вавич"

Предисловие - жанр очень странный. Нет никакой твоей заслуги, что ты прочел раньше тех, кому предисловие адресовано. Нет у тебя и никакого права говорить: "О, вы еще не знаете, что за книга вам попала в руки!" Так говорить запахло - тем паче после тех, кому она попала в руки лет на сорок раньше. Правда, люди тогда говорили о ней вполголоса. Говорили - на прогулке в подмосковном лесу, при случайной встрече на бульваре. За чаем. Говорили - как будто о факте бытовом, житейском, а не литературном. Дескать, прочел на днях роман Житкова - представьте, гениальный...

В точности как Баратынский - Жуковскому, разбирая рукописи Пушкина: "Он был мыслитель, кто бы мог подумать!.."

Вот, стало быть: ни слова о Житкове. Лишь вкратце - о шестидесятилетних мытарствах книги: со дня кончины автора до дня, когда она попала нам с вами в руки.

Помню, как впервые услышал слово "Вавич". Дело было в 88-м. Я позвонил по телефону Лидии Корнеевне Чуковской - попросил у нее рукопись документальной повести об отце, по совету Берестова. В тот романтический период я сотрудничал с издательством Детского Фонда. Публикации не случилось, увы. По чьей вине? Скажем так: не по моей... С извинениями вернул рукопись автору - тогда мне и задан был вопрос: - Почему бы не издать "Вавича"?

Помню, как впервые прочитал вот это:

"Посыльный нес письмо, держа его двумя пальцами, и девушке показалось, что он поймал бабочку..."

И это:

"Городовой снял шапку, и на морозе она дымилась у него на ладони, как горшок с кашей..."

И это:

"Снег стучал по козырьку фуражки, как стучат кончиками пальцев по оконному стеклу..."

Житков написал однажды рассказ о мальчике, ловившем человечков, которые

прятались, по его подозрению, в трюмах игрушечного парусника. Человечков не поймал, только парусник сломал, и жизнь потускнела.

Это притча о невозможности понять, как "устроен" шедевр.

Борис Пастернак, уже создав "Живаго", назвал "Вавича" лучшей книгой о русской революции. Но что такое - лучшая книга? Ведь не только самая правдивая, но и лучше всех прочих написанная.

Правда, не высказанная с большевистской прямоотой, но отраженная на козырьке фуражки, не подвергается редактуре.

Такую книгу можно только уничтожить.

История с "Вавичем" повторила историю с "Путешествием из Петербурга и Москву" - спустя полтора века - с той существенной разницей, что Радищев за "Путешествие" расплатился десятью годами Сибири, а Житков тихо скончался в 38-м, в своей постели.

В 1941-м "Вавич" вышел в "Советском писателе" - стараниями друзей покойного, в первую очередь Лидии Чуковской. Тираж лежал на типографском складе. Сигнальный экземпляр - на столе Фадеева. За ним оставалось последнее слово. В его собрание сочинений включена рецензия, датированная серединой ноября.

Фадеев читал "Вавича" в Москве, в перерывах между налетами германских самолетов. Уже была позади летняя эвакуация, осенняя паника, в Елабуге давилась Цветаева, поутихли слухи о гуляющих по столице диверсантах, выпал снег, прошел праздничный парад, Сталин стоял на Мавзолее в шапке с завязанными на подбородке ушами, как носили в Туруханском крае, в кинохронике вождя показали в фуражке: более правдоподобно.

Фадеев просился на фронт. Его не пустили: он принадлежал к руководящему составу. Капитан сходит последним с тонущего корабля. Что корабль запросто может утонуть - мало кто сомневался. Вот в какие дни Фадеев написал документ, заслуживающий того, чтобы здесь его привести целиком.

"Эта книга, написанная очень талантливым человеком, изобилующая рядом прекрасных психологических наблюдений и картин предреволюционного быта, страдает двумя крупнейшими недостатками, которые мешают ей увидеть свет, особенно в наши дни:

1. Ее основной персонаж, Виктор Вавич, жизнеописание которого сильно окрашивает всю книгу, - глупый карьерист и жалкая и страшная душонка, а это, в соединении с описанием полицейских управлений, охранки, предательства, делает всю книгу очень не импонирующей переживаемым нами событиям. Такая книга просто не полезна в наши дни.

2. У автора нет ясной позиции в отношении к партиям дореволюционного подполья. Социал-демократии он не понимает, эсерствующим и анархистствующим идеализирует".

Книгу пустили под нож, весь тираж. Нет, не весь. Один экземпляр попал в "Ленинку", еще один выкрала из типографии Лидия Корнеевна.

Ксерокопию с него в конце 80-х носил я по разным издательствам. Вдохновляясь поначалу, господа издатели, как будто сговорясь, возвращали мне "Вавича": книга написана очень талантливым человеком... но не полезна в наши дни.

Полезны были диссиденты, эмигранты, Сталин в ушанке, школы для дураков... короче, не импонировал Житков переживаемым нами событиям.

И "Вавич" сгорел вторично в топке гласности.

Мы тогда шутили: "Что будем делать, когда все это кончится?" "Перечитывать журналы".

Очень многое тогда не смогли прочесть как следует - времени ж не было, - предпочитая Андрею Платонову, Юрию Домбровскому, Борису Ямпольскому, да и Варламу Шаламову, Евгению Гинзбург, Абраму Терцу - "Московские новости" с "Огоньком".

Теперь вот пришло время.

Дождался и многострадальный "Вавич". Увлекательное и печальное повествование о том, как просто стать подлецом из высших побуждений, как беззащитно и драгоценно любовное письмо, зажатое двумя пальцами, точно пойманная бабочка.

Книга последнего великого писателя, открываемого нами в XX веке.

Все-таки лучше, чем никогда.

Михаил Поздняев

ВИКТОР ВАВИЧ

Роман

КНИГА ПЕРВАЯ

Прикладка

СОЛНЕЧНЫЙ день валил через город. В полдень разомлели пустые улицы.

У Вавичей во дворе шевельнет ветер солому и бросит - лень поднять. Щенок положил морду в лапы и скулит от скуки. Дрыгнет ногой, поднимет пыль. Лень ей лететь, лень садиться, и висит она в воздухе сонным золотом, жмурится на солнце.

И так тихо было у Вавичей, что слышно было в доме, как жуют в конюшне лошади - как машина: "храм-храм".

И вдруг, поскрипывая крыльцом и сапогами, молодежато сошел во двор молодой Вавич. Вольнопер второго разряда. С маленькими усиками, с мягонькими, черненькими. Затянулся ремешком: для кого, в пустом дворе? Ботфорты начищены, не казенные - свои, и не франтовские - умеренные. Вкрадчивые ботфорты. Не казенные, а цукнуть нельзя. Он легко, как тросточку, держал наперевес винтовку. Образцово вычищена. Утки всполошились, заковыляли в угол, с досады крякали. А Виктор Вавич от палисадника к забору с левой ноги стал печатать учебным шагом:

- Ать-два!

Когда он печатал, лицо у него делалось лихим и преданным. Как будто начальство смотрело, а он нравился.

- Двадцать девять, тридцать!

Виктор стал перед забором. Тут он достал из кармана аккуратно сложенную бумажку. Мишень. Офицерскую мишень - с кругами и черным центром. Растянул кнопками на заборе и повернулся кругом. Ловко шлепнул голенище о голенище. Отчетливо:

- Хляп! - Постоял, прислушивался и снова: - Хляп! Старик кашлянул в окне. Виктору стало неловко. Спит же он всегда в это время.

Виктор подтянул голенище и ворчливо сказал:

- Хлопают, прямо стыдно, - и вольным шагом пошел к палисаднику.

Старик Вавич стоял в окне в расстегнутой старой землемерской тужурке

поверх ночной рубахи. Он толстыми пальцами сворачивал толстую папиросу, как будто лишний палец вертел в руках, посматривал на сына, подглядывая из-под бровей.

Виктор остановился и снова дернул голенище - зло, как щенка за ухо.

- А, черт, удружил тоже... сапожник и есть.

Мазнул глазом по окну. Отец уже повернулся спиной и зашаркал туфлями в столовую. Закурил, задымил и вместе с дымом пыхнул из усов:

- Голенищами!

- Нищие? - обрадовалась Таинька. - Музыканты пришли? Таинька захрустела крахмальным ситцем и высунула в дверь беленькую головку, с веснушками, с вострым носиком.

- Голенищами! Голенищами аплодирует лоботряс-то наш. Не мешай, сказал старик, когда дочь сунулась к окну, - пусть его!

А самому где-то внутри, как будто в желудке, тепло стало от того, что все же хоть дурак сын, а красивый. Красивый, упругий.

Но старик вслух корил себя за эти чувства:

- Мы в это время в землемерном читали... этого... как его? Еще поется про него. - И мотив вспомнил: - "Выпьем мы за того". Да и пили. Идеино пили. А не: "ать-два". Дурак!

Виктор с опаской исподлобья глянул на окна. Никого. Потоптался, поправил фуражку. Вдруг нахмурился, сказал:

- А черт с вами! - И снова отсчитал тридцать шагов - от мишени к дому. Он стоял, держа винтовку к ноге. Раз! - и Виктор ловко отставил левую ногу и взял наизготовку.

- Отставить! - шепнул себе Виктор. И броском, коротко и мягко, взял "к ноге". Хлопнули голенища. Хотел оглянуться. - А плевать! Я дело делаю. Каждый свое дело делает. Ать! - И винтовка сама метко влетела под мышку и замерла. Виктор взял на прицел. Он видел себя со стороны. Эх, вольнопер! Картина! Чувствовал, как лихо сидит на нем бескозырка, прильнул к винтовке. Он пока еще не видел мишени, не глядел на мушку, глядел на молодчину-вольнопера.

Что-то заскребло за забором, и одна за другой показались две стриженных головы: мальчишки впились в Вавича и так и замерли, не дожевали скороспелку, - полон рот набит кислой грушей.

"Кэ-эк пальнет", - думали оба.

Но Вавич не пальнул. Он прикладывался, шелкая курком, резким кивком поднимал голову от приклада и брал наизготовку. Теперь он прикладывался, целился аккуратно, затаив дыхание, и твердил в уме: "как стакан воды". Бережно подводил мушку под мишень. Он замирал. Затаивали дух и мальчишки.

Цок! - шелкал курок, и все трое вздохнули.

Вольноопределяющиеся допущены к офицерской стрельбе. Вавич всех обстреляет. Шпаков-перворазрядников.

"Гимназеи!" - подумал он про перворазрядников. И еще тверже вдавил в плечо приклад.

Потом - значок за отличную стрельбу. Он даже чувствовал, как он твердо топорщится у него на груди. Бронзовый. Мишень такая же и две винтовки накрест.

Обстрелял офицеров. Офицерам неловко. Они жмут ему руку и конфузятся

от злости и зависти. А он - как будто ничего. Навытяжку, каблуки прижаты.

"Молодчага! - Пррад стараться!"

Герой, а стоит как в строю. От этого всем еще злее станет.

Картина!

Обиды

ВИКТОР Вавич не любил лета. Летом он всегда в обиде. Летом приезжают студенты. Особенно - путейцы в белых кителях: китель офицерский и горчичники на плечах. С вензелями: подумаешь, свиты его величества стрекулисты. (Технологи - те повахлачистей.) А уж эти со штрипочками! И барышни нарочно с ними громко разговаривают и по сторонам глазами обмахивают, - приятно, что смотрят. И нарочно громко про артистов или о профессорах:

- Да, я знаю! Кузьмин-Караваев. Я читала. Бесподобно!

А студент бочком, бочком и ножками шаркает по панели.

Ну эти бы, черт с ними. Но вот те барышни, которые зимой танцевали с Виктором, - и какие они записочки по летучей почте посылали (Виктор все записочки прятал в жестяной коробочке и перечитывал), - эти самые зимние барышни теперь ходили с юнкерами и наспех, испуганно, кивали Виктору, когда он им козырял. Юнкера принимали честь каждый со своим вывертом, особенно кавалеристы. Вавич каждый раз давал себе зарок:

"Выйду в офицеры, без пропуска буду цукать каналев. Этаким вот козлом козырнет мне, а я: "Гэ-асподин юнкер, пожалуйста сюда". И этак пальчиком поманю. Вредненько так".

И Виктор делал пальчиком. "Так вот будет, что барышня стоит, в сторону отворачивается, а я его, а я его: "Что это вы этим жестом изобразить хотели? Курбет-кавалер!" Он краснеет, а я: "Паатрудитесь локоть выше!"

Правда, студенты и юнкера болтались не больше месяца, но Вавич уж знал: взбаламутили девчонок до самого Рождества.

Виктор злился и, чтоб скрыть досаду, всегда принимал деловой вид, когда приезжал из лагерей в город. Как будто завтра в поход, а у него последние сборы и важные поручения.

"Вы тут прыгайте, а у меня дело", - и озабоченно шагал по главной улице.

Шагал Вавич к тюрьме и, чем ближе подходил, тем больше надавал ходу, вольной шевелил плечами, его разуживало, и все тело улыбалось. Улыбалось неукладно, и он широко прыгал через маленькие камешки.

У калитки смотрителя сада он наспех сбивал платочком пыль с ботфортов.

Смотритель Сорокин был вдов и жил с двадцатилетней дочерью Груней.

Смотритель

ПЕТР Саввич Сорокин был плотный человек с круглой, как шар, стриженной головой. Издали глянуть - сивые моржовые усы и черные брови. Глаз не видно, далеко ушли и смотрят как из-под крыши. Форменный сюртук лежал на нем плотно, как будто надет на голое тело, как на военных памятниках. Он никогда не снимал шашки; обедал с шашкой; он носил ее, не замечая, как носят часы или браслет.

Вавич никогда не хотел показать, что бегает он каждый отпуск к Сорокиным для Груни. Поэтому, когда он застал одного Петра Саввича в столовой, он не спросил ни слова про Груню. Шаркнул и поклонился одной головой - по-воен-

ному. Сели. Старик молчал и гладил ладонью скатерть. Сначала возле себя, а потом шире и дальше. Вавич не знал, что сказать, и спросил наконец:

- Разрешите курить?

Петр Саввич остановил руку и примерился глазами на Вавича: это, чтоб узнать, - шутит или дело говорит. И не тотчас ответил:

- Ну да, курите.

И он снова пошел рукавом по скатерти.

Смотритель Сорокин знал только два разговора: серьезный и смешной. Когда разговор он считал серьезным, то смотрел внимательно и с опаской: как бы не забыть, если что важное, а больше испытывал, нет ли подвоха. Недоверчивый взгляд. Снепривычки иной арестант пойдет нести, и правду даже говорит, а глянёт Сорокину в глаза - и вдруг на полуслове заплелся и растаял. А Сорокин молчит и жмет глазами - оттуда, из-под стрехи бровей. Арестант корежится, стоять не может и уйти не смеет. Тут Сорокин твердо знал: на службе разговор серьезный всегда. За столом он не знал, какой разговор, и не сразу решал, к смешному дело или по-серьезному. Но уже когда вполне уверится, что по-смешному, то сразу весь морщился в улыбку и неожиданно из хмурой физиономии выглядывал веселый дурак. Он тогда уж безраздельно верил, что все смешно, и хохотал кишками и всем нутром, до слез, до поту. И когда уж опять шло серьезное, он все хохотал.

Ему толковали:

- Тифом! Тифом брюшным. А он отмахивается:

- Брюшным... Ой, не могу! Вот сказал... Брюшным!

И хлопал себя по животу. Его снова бил смех, как будто хотелось нахохотаться за весь строгий месяц.

А теперь он сидел за столом и недоверчиво и строго тыкал Вавича глазами. Вавич долго закуривал, чтоб растянуть время. Старик оглянулся, а Вавич пружинисто вскочил и бросился за пепельницей. Сел аккуратненько. Думал: "что б сказать?" - и не мог придумать. Вдруг старик откинулся на спинку стула, и Вавич дернулся, - показалось, что смотритель хочет что-то сказать. Виктор предупредительно наклонился. Смотритель ткнул глазами.

- Нет, нет. Я ничего. Курите, - помолчал, вздохнул и прибавил: молодой человек.

Груня не шла, и Вавич подумал: "А что, как ее дома нет?" Надо начинать. И начал:

- Ну как у вас, Петр Саввич, все спокойно?

- У нас? - переспросил старик и недоверчиво глянул - к чему это он спрашивает. - Нет, у нас никаких происшествий не случилось, - и стал перебирать бахромку скатерти, глядя в колени. - Бежать вот только затеяли двое, - глухо вздохнул смотритель.

- Кто же такие? - с оживлением спросил Виктор, как взорвался. Уставился почитительно на Петра Саввича.

- Дураки, - сказал смотритель. Оперся виском на шашку и стал глядеть в окно.

- Подкоп? - попробовал Виктор.

- Нет, пролом. Ломали образцово, могу сказать. И все же засыпались.

- Теперь взыскание?

Смотритель глянул на Вавича. Вавич опустил глаза. Стал старательно стряхивать пепел. И вдруг старик рывкнул громко, как сорвавшись:

- Надавали по мордам - и в карцер. А что судить их? Я дуракам не злодей.

В это время на заднем крыльце стукнули шаги. Виктор узнал их: "дома, дома!" Старался всячески запрятать радость. Но покраснел. Он слышал, как за ним легко ступали Грунины туфли, и Виктор спиной видел, как движется Груня. Вот она брякает умывальником. Теперь, должно быть, руки утирает. Вот она идет к двери. И только когда она шагнула за порог, Виктор встал.

Груня

ГРУНЯ была большая, крупная и казалась еще толще от широкого открытого капота. Она несла с собой свою погоду, как будто вокруг нее на сажень шла какая-то парная теплота, и теплота эта сейчас же укутала Вавича. Груня улыбалась широко и довольно, как будто она только что поела вкусного и спешила всем рассказать.

- Удрали? - смеялась Груня, протягивая полную руку. Рука была свежая, чуть сырая.

- Ей-богу, в отпуск.

- Без билета! Вот честное слово! Врете? - И она глянула так весело Виктору в глаза, что ему захотелось соврать и сказать, что без отпуска.

- Собирай, собирай на стол, Аграфена, - буркнул старик. Груня повернулась к двери.

- Разрешите вам помочь? - И Вавич шелкнул каблуками. Он не мог остаться, он боялся выйти из этой теплой атмосферы, что была вокруг Груни, как бывает страшно вылезти из-под одеяла на холодный пол. В кухне Груня нагрозила его тарелками.

Она считала: Раз! - и смеялась Вавичу: Два! - и опять смеялась.

Перед обедом смотритель встал и шагнул к образу. Поправил португую. Он стоял перед образом, как перед начальством, и громким шепотом читал молитву, слегка перевирая.

- Очи всех натя, Господи, уповают, - читал смотритель, - а ты даеши им пищу, - и за этим послышалось: "А я делаю свое дело. Потому что нужно".

Груня и Виктор стояли у своих стульев. Груня смотрела, как дымят ши, а Виктор почтительно крестился вслед за смотрителем.

Когда смотритель обедал, он садился спиной к окнам, спиной к тюрьме, чтоб эти полчаса не смотреть на кирпичный корпус с решетками. Он всегда смотрел: смотрел на окно, на тюремный двор. И говорил про себя: "Смотритель - и должен, значит, смотреть. Вот и смотрю".

Только за обедом он отворачивался от окон, но чувствовал (он всегда это чувствовал), как там за спиной распирает арестантская тоска тюремные стенки, жмет на кирпич, как вода на плотину. И ему казалось, что он сейчас за обедом, пока что, спиной подпирает тюремные стены.

Груня подала первую тарелку отцу.

Смотритель налил из расписного графинчика себе и Вавичу.

Виктор каждый раз не знал: пить или нет?

"Выпьешь - подумает: если с этих пор рюмками, так потом бутылками". Не пить - боялся бабой показаться.

Смотритель каждый раз удивленно спрашивал:

- Не уважаете? - И опрокидывал свою рюмку. Вавич торопливо хватал свою и впопыхах забывал закусывать.

Смотритель ел наспех, как на вокзале, и толстыми ломтями уминал хлеб, низко наклоняясь к тарелке.

Груня ела весело, как будто она только того и ждала целый день - этой тарелки щей. Улыбалась щам и, как радостный подарок, стряхивала всем сметаны столовой ложкой.

- Ой, люблю сметану, - говорила Груня и говорила, как про подругу.

И Вавич думал, улыбаясь: "А хорошо любить сметану!" И любил сметану душевно. Вавич чувствовал близости, здесь, на столе, Грунин открытый локоть, и его обдавало жаркой жизнью, что разлита была во всем широком Грунином теле. И он шурился как на солнце, с истомой потягивал плечами под белой гимнастеркой.

После второй рюмки Петр Саввич скомандовал Груне:

- Убери!

Смотритель боялся водки, и Груня каждый раз опускала глаза, когда прятала графин в буфет.

Палец

ЧАЙ пил Петр Саввич уже сидя на диване, лицом к окнам. За чаем он еще позволял себе не смотреть, а только посматривать. И ему хотелось продлить обеденный отдых и навести разговор на смешное. Он громко потянул чай с блюдечка, обсосал усы и весело обернулся к Вавичу:

- Скоро в генералы?

Вавич обиделся. Замутилось внутри. "Что это? смеется?" Виктор покраснел и буркнул:

- Да я не собираюсь... даже... по военной. Но Петр Саввич уж пошел по смешному:

- По духовной? Аль прямо в монахи?

И смотритель сморщился, приготовился хохотать, натужился животом.

Груня фыркнула.

Вавич не выдержал. Встал. Потом сел. И снова встал, вытянулся. Старик, застыв, ждал и дивился: "Что такое? Почему не вышло?"

Но Виктор до поту покраснел:

- Господин... Петр Саввич... - сказал Виктор. Сорвался, глотнул и снова начал: - Господин...

Груня заботливо смотрела на него, разинув глаза. Вавич обдернул гимнастерку.

- При чем тут... смеяться?

- Сядьте, сядьте, - шептала Груня. Но у Виктора были уже слезы на глазах.

- Если я не стремлюсь по военной, так это не значит... не вовсе значит, что я... шалопаи!

У смотрителя сразу ушли глаза под крышку, опять нависли усы и брови.

- Извините, - сказал глухо, животом, смотритель. - Я не обидеть. А напротив даже... Почему? - почтенно. Я ведь слышал, - изволили говорить: в юнкерское. А если так, я даже рад. Ей-богу, ей-богу!

- Сядьте, - сказала Груня громко. Вавич стоял.

- На стул! - сказала Груня и дернула Виктора за рукав. Он оглянулся на Груню.